

Р2 Лр

Б24 **ИРИНА БАРИНОВА**

**ПТИЦЫ
ЛЮБВИ**

МОСКВА

1990

Ирина Барина — автор двух поэтических книг. Предлагаемый читателям новый сборник составлен из стихотворений, написанных в разные годы, но всех их, за редким исключением, объединяет то, что ранее они не публиковались.

В первом стихотворном сборнике «Незабываемое» главной темой был внутренний мир, чувства и переживания самого автора, во втором — «Тайна красоты» — центральное место занимали раздумья о человеке, о женской доле. В новой книге лирический круг поэтессы значительно расширился: судьба конкретного человека и всей страны, тема доброты и милосердия, свой взгляд на современность — вот отличительные черты нового сборника Ирины Бариновой.

Ю. БЕЛЯКОВ,
журналист.

105

P2 ЯР
Б 24 P

Ирина
БАРИНОВА

Птицы любви

Б/н

Ярославская городская
централизованная система
библиотек

Москва-1990

Дефицит доброты — почему же?
Не хватает тепла — отчего? —
У жены — для любимого мужа,
У сынов — для отца своего.

Появились «забытые» дети
И не нужные всем старики.
Видно, что-то случилось на свете,
Коль на злобу мы стали легки?

Только сетуем: жизнь, мол, такая,
Хочешь жить, так вертеться умей.
Вот и вертимся, спешно меняя
Друга детства на «нужных» людей.

Пробиваемся и пробиваем,
Лишь бы локти острее и — вперед!
И меняем, меняем, меняем:
Вместо жалости — трезвый расчет.

Вместо музыки — бешенство рока.
Телевизор цветной — вместо книг.
Не горя, потухает до срока
Нашей жизни единственный миг.

* * *

Как же похоже кричали,
Благословляя: «Живи»,
Черные птицы печали,
Белые птицы любви.

В ведро летели, в ненастье,
Как предсказанье судьбы,
Нежные лебеди счастья,
Вороны злые беды.

Падали в медленном круге,
Чтобы узорами лечь,
Черные перья разлуки
И белоснежные — встреч...

* * *

**Памяти Виктора Александровича
Давыдова**

Перед ушедшими вина
Растет, как снежный ком,
За то, что я была полна
Надежды на потом.

Еще успею написать,
Успею позвонить,
И выслушать, и рассказать,
Прощенья попросить.

Но больно сердце режет
Газетный некролог,
И близкий человек уйдет
Последней из дорог.

Земная коротка стезя,
Конец пути не нов.
...Нельзя откладывать, нельзя
Ни встреч, ни нужных слов.

Платить, не пряча про запас,
За доброту добром.
Все будет только лишь сейчас
И ничего — потом.

ОТШЕЛЬНИК

Посредине двадцатого века,
Посредине России самой
Уголок без людей человеку
Удалось отыскать, боже мой.

Год за годом, как века за вехой,
Он — один. Не тревожат его
Суета и мирская утеха,
Деньги, слава — да мало ль чего.

Он босыми ногами ступает
По морозной и знойной земле.
Бог пошлет — будет пища простая,
Солнце глянет — пребудет в тепле.

Неужель исцелиться от боли —
Смуты века не ведать — не знать?
...Не понять: то ль себя обездолил,
То ль, напротив, вкусил благодать.

* * *

Стало модным словом милосердие,
Стало модной темой покаяние,
Толковать о боге и бессмертии
Примемся мы скоро на собраниях.

Только мода — дамочка капризная,
У нее характер переменчивый.
Что потом-то будет нами признано?
Станем мы внимать чему доверчиво?

Искренность по ветру не полощется,
Не колотит в грудь себя с усердием.
И живет не в «фондах» и не в «обществах»
Истинно святое милосердие.

* * *

О, как с годами хочется покоя
И равновесья в собственной душе.
Но истомилось сердце маетою,
И тормоза сдают на вираже.

Одолевают смута и сомненье,
Чем больше лет, тем беспощадней жизнь.
Несет, несет житейское теченье,
И на плаву — попробуй, удержишь.

Волна тобой распорядится вольно —
Поднимет, бросит, скроет без следа.
То вверх, то вниз, а сердцу больно, больно,
И не привыкнуть к боли никогда.

* * *

Звереет человек в очередях,
В них делаются женщины мегерами,
И рыцарство теряют на глазах
Мужчины, что во всем привыкли —
первыми.

Ах, эти змеи злых очередей —
За дефицитом и за пропитанием.
...А может, люди были бы добрей,
Когда б не это вечное стояние?

В СТАРОЙ РОЩЕ

Упала замертво береза.
Поникли вмиг ее подружки,
Скрыв подступающие слезы
И не заламывая руки.

И их черед наступит скоро —
Стволы печально потемнели,
Им нет ни сменя, ни опоры —
Заполонили рощу ели.

Подлеском были — стали чащей,
Что им березы — песня спета.
Так, торжествуя и кричаще,
Тьма вытссняет радость света.

* * *

Можно ль жить, коль навеки обвенчаны,
А любимая раньше ушла?
...Но другая со временем женщина
Место в доме ее заняла.

Подарила судьба не последнее —
И детей, и тепло, и уют.
...А ведь это легенда, что лебеди,
Потеряв лебедих, не живут.

О ПОКАЯНИИ

Нас всех призвали к покаянью,
И словно платой за грехи,
Приходит самобичеванье
И в выступленья, и в стихи.

Грешить и каяться — как прост он —
Чистейшей совести рецепт.
«Раскаиваюсь!» — и вопросов
И «признавшему ошибки» нет.

Покаявшимся надо верить!
Но, может, верить погодим?
Ведь тот, кто раньше лицемерил,
Едва ли сразу стал другим.

Да, нынче модно быть героем,
Рубить размахисто, сплеча,
Клеймя позором век застоя
И Леонида Ильича.

А что хвалил его когда-то,
Так нет неловкости в душе,
Ведь в этом время виновато,
А мы покаяться уже.

* * *

Еще одно лето промчалось, как поезд,
Тепло и покой — позади.
И снова живу, суетясь, беспокоясь,
Кляня затяжные дожди.

Тревоги, сомненья и думы ночные
О том, что вся жизнь так пройдет.
И вновь проклиная дожди затяжные
И тяжкое бремя забот.

...А утром луч солнца в окно постучится.
Глаза протирая со сна,
Сынок улыбнется мне и удивится:
«Опять наступила весна?»

* * *

Никите

Я сыну пою колыбельную песню,
Слипаются милые сонные глазки.
Сейчас для него ненадолго исчезнет
Лицо мое, голос, и песни, и ласки.

А он и во сне остается со мною.
И счастье, и беды мои, и надежды —
Все то, что непросто зовется судьбою,
В ручонках своих крепко-накрепко держит.

* * *

Судьба моя лукавая,
Твой приговор суров:
Врагов не наживала я,
Но нажила врагов.

Ни злоба, ни предательство
Души не тяжелят,
Но черные ругательства
Опять в меня летят.

И недруги с наветами
Влезают в жизнь мою.
...Но теми обогрета я,
Кого сама люблю.

Быть может, не убавится
Завистников и зла,
Но верю, что останется
Душа моя светла.

**«Дубовый листок
оторвался от ветки родимой...»
М. Ю. Лермонтов**

Не дай нам бог,
оторванным листом
скитаться одиноко по чужбинам,
где самый сытый
и роскошный дом
не станет ни родным и ни любимым.

Быть может, где-то
лучше, чем у нас —
вольготнее, богаче и красивей
Но как же страшно
в свой последний час
не ощутить целебный свет России.

Лишь вспоминать,
в больной тоске по ней,
то поле ржи, то теплые березы,
не разглядев российских журавлей
сквозь жалкие непролитые слезы.

* * *

Я в жизни обжигалась так часто —
На дружбе, на доверьи, на любви, —
Что отвести готова и от счастья
Глаза настороженные свои.

Наверное, мне легче не поверить,
Что после одинокой маеты,
Наперекор разлукам и потерям,
Вновь расцветут весенние цветы.

Тревожно ожидаю я подвоха,
Раздумья нежеланные гоня.
О, как мне было горестно и плохо.
Что счастье непосильно для меня.

* * *

О, как нелепо я живу —
Все верю, словно в божью милость:
Восторжествуют наяву
И доброта, и справедливость.

И жизнь спасется красотой.
...Но вдруг в бессилии заплачу,
Что этот мир, несчастный, злой,
Я не смогу переиначить.

ИЗБА

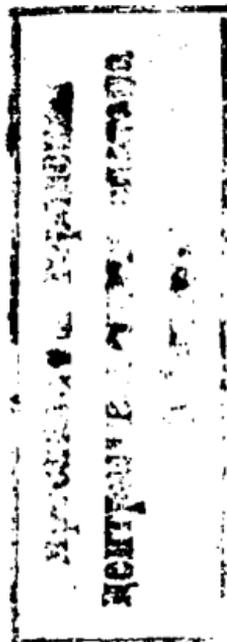
Стоит изба нетоплена,
И окнами не светится,
Тропинка к ней не топтана
Уж много-много месяцев.

Изба хоть и не новая,
Не назовешь и сказкою,
Но ладная, здоровая,
Со стойкою окраскою.

А почему не топлена?
А отчего заброшена?
Тропинка не протоптана,
Крылечко запорошено.

То ль умерли хозяева,
То ль без избы обходятся.
Ну, а тогда пора ее
Другим обжить, как водится.

Ай, доля незавидная,
Такая ли загадана,
Да где же это видано,
Чтоб никому не надобна?

* * *

**Другу и учителю
Борису Емельяновичу Васильеву**

Как быстро время мчит!
За ним не успеваю.
Мгновения удач
моих — наперечет.
Как будто вслед смотрю
последнему трамваю,
который никогда
меня, увы, не ждет.

Какого-то рывка
всегда мне не хватало,
догнать и перегнать —
азарта нет в крови.
Но, может, потому
душа не растеряла
ни веры,
ни надежды,
ни любви.

* * *

Запомнилась мне женщина одна —
Была строга, суха и некрасива,
Но хорошела на глазах она,
Когда траву размашисто косила.

Не замечал никто ее нигде,
Пока вдруг не увидели в работе.
...Так птица, неприметная в гнезде,
Прекрасною становится в полете.

БЫЛО ТРИ МУЖА У БАБКИ НАСТАСЬИ

Было три мужа у бабки Настасьи:
Павел, Прокопий и дед Никодим.
Первый утоп. А второй в одночасье
Помер от сердца совсем молодым.

С третьим сошлась —
уж под пенсию дело.
Жили, как люди, без ссор и без драк.
Да перебрал Никодим... Проглядела.
Выпить-то старый был не дурак.

Было три мужа у бабки Настасьи,
Дети и внуки остались от них.
Но отчего-то ей помнится Вася,
Вася Наседкин — ни муж, ни жених.

Просто однажды, в февральскую стужу,
В город на розвальнях сехала с ним...
Было у бабки Настасьи три мужа:
Павел, Прокопий да дед Никодим.

ЗАПАХ КЛЕВЕРА

По клеверу бежала босиком,
Жгли росы ее ноги загорелые,
Была такою безрассудно-смелою,
Какой не будет никогда потом.

Твердил ее любимый невпопад:
«Ведь правда, правда, все переиначится?»
Она не раз безудержно расплачется,
Таким счастливым вспомнив этот взгляд.

Как пахнул клевер! Стыла неба синь,
И были руки, нежные и властные,
И были слезы и слова напрасные...
Пытливо смотрят муж ее и сын.

Их разлучить? Оставить этот дом?
Какой же вдруг беды чуть не наделала.
...Нет, не она — та безрассудно-смелая,
Бежавшая по росам босиком.

Вошел в квартиру как чужой,
Не сняв плаща, застыл у двери:
«Прости... Я уйду к другой...
Люблю... Сначала сам не верил...»

Он жалко поднял воротник,
Как защищаясь от ненастья,
И ждал, что будут слезы, крик,
А услышал: «Какое счастье...

И у меня давно другой,
Не знала, как тебе признаться,
Живи спокойно, дорогой,
Теперь нам нечего бояться».

...Он шел, уставя в землю взгляд,
Душила горечь униженья,
И отчего-то был не рад
Желанному освобожденью.

Ведь он все время верил той,
Что ежедневно предавала...
...В квартире темной и глухой
Так страшно женщина рыдала.

* * *

Мужчины жалуют вниманьем,
В новинку ли тебе, мой друг,
Их восхищенье, обожанье
И нетерпенье глаз и рук.

Твой взор замечен, жест отмечен,
Но как судьбу благодарить
За то, что ноги, грудь и плечи
Сумели душу заслонить?

Ей в упаковке симпатичной,
Как птице, пойманной в силки.
...Но взгляды жадные привычны,
Но речи льстивые легки.

Из плена вырваться попытка.
Не нужной кажется уже.
Вновь демонстрируешь улыбку,
Сама не вспомнив о душе.

АВТОПОРТРЕТ

За окнами встает рассвет,
И голоса смелеют птичьи.
А в белой тишине больничной
Рисует мальчик свой портрет.

Пятнадцать мальчику всего —
Полжизни он провел в больнице.
И не летели быстрой птицей
Года печальные его.

Но вот готов автопортрет:
Во взгляде — ожиданье чуда,
Улыбки свет...
— А грусть?
— Откуда?!
Ему ж всего пятнадцать лет!

И слава богу, не в плену
Он у жестокого неверья.
...Ветвями тянутся деревья
К его больничному окну.

ОСЕНЬ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

Ах, как чудна приморская осень —
Золотятся листов кружева,
В близком небе не редкая просинь,
А безбрежная синь-синева.

Не скупится на ласку природа,
Солнца столько — горстями бери!
Видно, сырости и непогоды
Здесь не склонны иметь октябри.

Мне впервые не грусть, не ненастье
Нелюбимая дарит пора —
Красоту и надежду на счастье.
Ах, как осень в Приморье щедра!

* * *

Закружились, светлы и горьки,
Дни в неистовой замети.
Но стучали ее каблучки
В его сердце и памяти.

Закрутили заботы, дела —
Близок был к исцелению.
В сны взяла и пришла
Без надежд на спасение.

На коленях другой, неродной,
Спрятал голову грешную.
И увидел единственной, той,
Он глаза безутешные.

Под плевки пьянчужек праздных
И под ропот: «Ну, и стыд»
У дверей пивнушки грязной
Баба пьяная лежит.

В плац затасканный одета,
Не стара, не молода...
Неужели тело это
Было женщиной когда?!

Было! В бедненьком платочке,
Не похожая на мать,
Ее маленькая дочка
Все пытается поднять,

«Мама!»

Да, пока что — мама.
Только плачет дочь навзрыд,
Не спасенная от срама
Баба пьяная лежит. •

* * *

Так хочется, чтоб кто-то пожалел,
Устала быть разумной, деловитой,
Отвлечься б от больших и малых дел,
Пожить бы простодушно и открыто.

И если надо, выплакаться влечь,
Все рассказав о горестях и бедах,
Влюбиться, растеряться, запропасть,
И яблока запретного отвесть.

Сорваться, негодую и грубя,
Покаяться, стать кроткою и слабой,
Чтоб наконец почувствовать себя
Усталой и отчаявшейся бабой.

Но не пуская чувства на простор,
Не жалеюсь, не плачу, не робею.
Готовая дать каждому отпор.
...Да кто ж меня, такую, пожалеет?!

* * *

два одиноких человека
Решили жить одной судьбой,
Ведь так положено от века:
Не «ты да я», а «мы с тобой».

Но только вот ее печали
Не стали для него близки,
И больно делалось едва ли
Ей от его немой тоски.

Ни радость общую не стала,
Ни грусть — одною на двоих,
И так тепла не доставало
Пустынному жилищу их.

...Судьба отсчитывает сроки —
Уж скоро листья полетят.
Живут вдвоем и — одиноки.
...Нашли друг друга, — говорят.

* * *

Все реже смотрят вслед мужчины,
Мой взгляд стал сдержанней и строже,
Не улыбаюсь беспричинно,
И привлекая, и тревожа.

И легкость девичья пропала,
И чуть в лице поблекли краски.
Все чаще я теперь устало
Иду с авоськой иль с коляской.

На жизнь не сетую нисколько,
Люблю свой дом, ребенка, мужа.
Бывает всяко: сладко, горько —
Иного счастья мне не нужно.

Но в тайных мыслях я повинна
(Вот глупости-то, в самом деле):
Хочу, чтоб встречные мужчины
Мне вслед восторженно глядели.

БАНЯ (шутка)

Целый день для милой Мани
Бегал Вася за водой.
И теперь идет от бани
Дух березовый, парной.

Употела молодица.
Под прикрытьем длинных нос
Выбегает прохладиться
Снару прямо на мороз.

Тело жаркое остудит
Встречный ветер. Благодать!
Уж едва ли кто осудит,
Видя этакую стать.

Маня мыться не устанет
И с мороза — снова в пар!
Ну, а дома Вася ставит
Для хозяйки самовар.

Ждет румяную из бани,
Но не клеится дела:
Почему-то нынче Маня
Спину мыть не позвала.

ЧИТАЛА МНЕ БАБУШКА...

«Она мне прислала письмо голубое...»
И. Северянин «Поэза отказа»

«Она мне прислала письмо голубое», —
Читала мне бабушка давней порою,
Читала, вздыхала, чуть-чуть забывала,
Ведь весен и зим пролетело немало,
С тех пор, когда дедушка юной невесте
Прочел эти строки. Ей был неизвестен
Поэт, написавший «Поэзу отказа»,
Но только стихи ей запомнились сразу
На всю ее долгую жизнь, и порою...
Она декламирует: «...реют гобон...»
Привычным ей сделалось чуждое слово,
В нем столько ушедшего и молодого.
Давно уже деда на свете не стало...
...Я сыну сегодня стихи прочитала.

* * *

Старик восьмидесяти лет
Покрасил дом в зеленый цвет.
И даже в хмурости дождей
С тем домом стало веселей.

Сказал старик: «Теперь помру.
Теперь не стыдно помереть.»

Он умер рано поутру.
А дом остался зеленеть.

АЛЕКСЕЮ ФАТЬЯНОВУ

Говорят: «Ты отстала»,
Но что ж в этом странного,
Если чувства и мысли
Сверяю свои
По забытым стихам
Алексея Фатьянова
И пою его песню:
«Соловьи, соловьи...»

Мне, конечно же, нравятся
И другие мелодии,
Песни Аллы Борисовны
О злодейке-любви.
Только сердце сжимается
От нехитрого, вроде бы,
От такого негромкого
«Соловьи, соловьи...»

Не хочу, да и стоит ли,
Свои вкусы навязывать,
Перед кем-то отстаивать
Настроенья свои.
...Рок грохочет неистово!
А в фатьяновских Вязниках,
Заглушая транзисторы,
Все поют соловьи.

ЗНАКОМОМУ СТИХОТВОРЦУ

Ни мысли, ни души живой
В творениях речистых,
Зато цветист сравнений рой,
Метафоры ветвисты.

Ассоциаций сложный ряд —
Уже залог успеха.
Пузырь из мыльной пены рад,
Надутый на потеху.

Искрится радужно, ничуть
Под солнцем не робея.
Но стоит пристальней взглянуть,
Чтоб лопнул поскорее.

НА МОГИЛЕ А. П. КЕРН

Могила, как могила, вроде,
Была б приметною едва,
Когда на скромном бы надгробье
Не жили вечные слова:
«Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты...»

Здесь и зимой лежат весенне,
Неувядаемо цветы.

НЕСЕРЬЕЗНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Была в прошлой жизни я птицей —
Не зря же летаю во сне.
Но травы, и листья, и лица
Отчетливо видятся мне.

Чуть выше, быть может, сарайки
Лечу я, объятая сном.
Была в прошлой жизни не чайкой,
Не ласточкой, не журавлем.

А курицей, толстой и белой,
Квохтала влопад-невпопад,
Усердно на яйцах сидела
И нянчила желтых цыплят.

...И снова я сутью куриной
Живу — в сине небо не рвусь
И над разъединственным сыном
Встревоженной клухой трясусь.

Высокой звезде не светиться
Над жизнью обычной моей.
...Но курица — тоже ведь птица
И яйца несет для людей.

На виду у всей деревни
Повязала шаль с каймой,
Через бабулю через ревность
Я пошла к тебе домой.

Шла в сапожках новых,
А мороз крепчал,
У ворот тесовых
Ты меня встречал.

Снег отряхивали ветки,
Под ногами снег скрипел
Вслед глядели мне соседки.
Ты — в глаза мои глядел.

Протянул мне руку
И — невестой — в дом,
Не сказал ни звука,
Все слова — потом.

Оглянулась напоследок:
Вся деревня смотрит... Пусть!
Ни мороза, ни соседок
Я с тобою не боюсь!

* * *

Как обидно летом ночи коротки,
Мы прощаемся с тобою у реки,
Через узкий мостик я перебегу,
На другом ты остаешься берегу.

Не уходишь ты, а смотришь мне вослед:
Оглянусь я на прощанье или нет.
Оглянусь, и ты напомнишь мне опять:
«Буду вечером тебя я ожидать».

...Спать осталось мне часочка полтора,
За работу с первым лучиком пора.
...Я не выспалась, кружится голова,
Только вечера дождусь едва-едва.

Лишь стемнеет — в новом платье, налегке,
Поспешу, нетерпеливая, к реке,
Через узкий мостик я перебегу,
Вот и снова на одном мы берегу!

* * *

Я не могу привыкнуть к расставаньям,
Наверно, не привыкну никогда.
Мучительное долгое прощанье
Мне кажется прощаньем навсегда.

Ты улыбнешься, взяв меня за плечи,
Я глаз коснусь, как будто невзначай,
В который раз скажу тебе: «До встречи»,
Хоть хочется мне вымолвить: «Прощай».

Что мне слова: «Разлука — испытанье,
И для любви нужна она», когда
Мучительное долгое прощанье
Мне кажется прощаньем навсегда.

* * *

Разлюбил... Значит, я виновата.
Не пеняю незрячей судьбе,
Хоть платить мне немалую плату
За уверенность злую в себе.

Я считала — навеки пленила,
Своей доле пожизненно рад.
Проглядела, как стала постылой.
Кто же, кроме меня, виноват?

РЕВНОСТЬ

Ю. Д.

Тебя ревную я к друзьям —
К мужскому замкнутому кругу,
В котором вы верны друг другу,
А для меня нет места там.
Тебя ревную я к друзьям.

Ревную к женщинам чужим,
Они знакомы мне едва ли,
Но назовут иль называли
Когда-нибудь тебя своим.
Ревную к женщинам чужим.

Ревную к прошлому тебя,
И эта ревность, как расплата,
За то, что я сама когда-то
Другому вверила себя.
Ревную к прошлому тебя.

Я жила и легко и ладно,
Никому не желала зла.
Почему ж вышло так нескладно —
У другой тебя отняла?

Полюбила я, полюбила.
Но обидой своей полна,
Та кляла меня и корила.
Только в чем же моя вина?

Нет виновных в любви — я знаю,
Разве кто запретит любить?
...Отчего же беда чужая
Не даст мне счастливой быть?

ЖИЗНЬ СЕМЕЙНАЯ

Размолвки наши были часты,
А примиренья горячи.
Могли ли думать, что от счастья
Держали мы в руках ключи.

Теперь всё ровно, все при деле,
И нету поводов для ссор.
...Куда ж ключи от счастья дели,
Понять не можем до сих пор.

БЕЗ ТЕБЯ

* * *

И ночью дверь не запирала
И все надеялась: придешь.
А под окном сирень шептала:
«Напрасно ждешь. Напрасно ждешь».
Стерпеть обиду не сумела —
Сломала дымную сирень.
И долго горестно смотрела
На обезглавленную тень.

* * *

Отвыкаю от губ твоих,
Отвыкаю от глаз,
Я безмолвно и больно
Другого целую
И бледнею от мысли,
Что, может, сейчас,
Там, вдали от меня,
Ты целуешь другую.

* * *

И снова я зайду в свой дом —
Он будет одинок.
В почтовый ящик загляну —
Подразнит пустотой.
И снова я пойму, что мир
Бессмысленно жесток,
Ведь в нем живем и ты, и я,
Но нет тебя со мной.

Я для тебя не стала близкой,
Надежды тают, как туман.
Я все еще храню записки,
Где слово каждое — обман.
И вопреки рассудку, верю
Я во спасительную ложь,
Что ты мои откроешь двери
И навсегда ко мне придешь.

БЫЛО!

Шли по озябшим мокрым листьям
С тобой вдвоем. С тобой вдвоем.
И осени повадка лисья
Уже нам виделась во всем.

И были все слова излишни.
Но вспоминала я потом
И этот путь, совсем не ближний,
И мой нахохлившийся дом.

Хоть счастье было и недолгим,
Но было! Было: ветер с Волги,
Швырявший под ноги листья,
Дождя холодного иголки,
И солнца редкого осколки,
И ты, и ты, и ты, и ты...

ВОСПОМИНАНИЕ

Мы расстаемся под крик журавлиный
И под шептание пестрой листвы,
И под мерцание зрелой рябины.
Прочь безвозвратно уходите Вы.

Сутуловатый и седоволосый,
Спрятав глаза, не подняв головы,
Кутая в шарф и морщины, и слезы,
Прочь безвозвратно уходите Вы.

Крикнула я бы, вослед побежала,
Не убоявшись досужей молвы.
Но... я родиться на свет опоздала.
Прочь безвозвратно уходите Вы.

* * *

Я, наверно, тревоги не скрою,
Если ты постучишься в мой дом.
Побежденным придешь — не героем,
Коли вспомнить решил о былом.

Не тверди о неведомых силах,
Не тверди о превратной судьбе,
Не случайно зашел ты, мой милый,
Знать, не сладко живется тебе?

* * *

Полжизни почти пролегло между нами —
Мы встретились снова.
И он виноватыми смотрит глазами,
Не вымолвив слова.

Я знаю, за что виноватым считает
Себя, невинный.
Растерянно взгляд мой неробкий встречает,
Спокойный и ровный.

Наслышан: не выпало складной мне доли,
Да вот — беспечальна.
И он улыбается волей-неволей:
«Ну, как, все нормально?»

— Конечно, нормально.
И все ж не решится
С довольною мною
Так просто, как с другом своим,
поделиться,
Что счастлив с другою.

ТЕЛЕГРАММА

«Вам — телеграмма» —
Больно сердце сжалось:
О чем же весть?
О радости, беде?
Клочок бумаги —
Этакая малость,
А что-то круто повернет в судьбе.

«Вам — телеграмма» —
«Приезжаю завтра».
Хоть смейся,
Хоть от радости реви.
Два слова —
Так весомо,
Так внезапно,
Как первое пришествие любви.

«Вам — телеграмма» ...
Ожиданий мука
Потоком мутным
Убегает прочь.
Вот, наконец, и кончилась разлука.
«Вам — телеграмма!»
...Пережить бы ночь...

Когда-нибудь
судьба сведет друг с другом,
чтоб в горести минувшей помолчать.
И как всегда,
мою возьмешь ты руку,
чтобы ее, склоняясь, поцеловать.
И растерявшись,
спросишь через силу:
— Ждала меня?
— Наверное, ждала...
— Простила?
— Ну, конечно же, простила.

...Легко прощать,
когда любовь прошла.

А мне ничего не надо:
Ни слова его, ни взгляда,
Ни памяти, ни веселья,
Ни свадьбы, ни новоселья.
Лишь знать, что живет на свете,
Что солнце одно нам светит,
Что видеть могу порою,
Что счастлив он с той, другою...

* * *

На судьбу тебе пожалуюсь,
Никого не обвиня.
Пожалей меня, пожалуйста,
Приласкай, утешь меня.

Я заплачу с облегчением
Тихо-тихо иль навзрыд.
Ты спаси меня терпением
От напастей и обид.

Не святую, не безгрешную
И не верящую в рай,
Исцели меня надеждою,
В доброту поверить дай.

Не унижить душу жалостью,
Без сочувствия — больней.
Пожалей меня, пожалуйста,
Если можешь — пожалей.

Сквозь слезы и пургу
В твой горький час приду,
Утешу, как смогу,
И отведу беду.
Затихнет боль. И крик
Не разорвет груди...

...Но в твой счастливый миг
Я не приду. Не жди.

МАЙСКОЕ-ШУТЛИВОЕ

Еще не сгорела черемуха,
Уже задымилась сирень.
Кудрявый Амурчик без промаха
Охоту ведет каждый день.

И полнится мукою сладкою
Пронзенное сердце. И вновь
Ночами, от мужа украдкою,
Пищу я стихи про любовь.

СОДЕРЖАНИЕ

«Дефицит доброты — почему же?»	5
«Как же похоже кричали...»	6
«Перед ушедшими вина...»	6
Ошпельник	7
«Стало модным словом милосердие...»	8
«О, как с годами хочется покоя...»	9
«Зреет человек о очередях...»	9
В старой роще	10
«Можно ль жить, коль навеки обвенчаны...»	10
О покаянии	11
«Еще одно лето промчалось, как поезд...»	12
«И сыну пою колыбельную песню...»	12
Стихи о снеге	
Осенний снег	13
Весенний снег	13
«Судьба моя лукавая...»	14
«Не дай нам бог...»	15
«И в жизни обжигалась так часто...»	16
«О, как нелепо я живу...»	16
Баба	17
«Как быстро время мчит!»	18
«Вспомнилась мне женщина одна...»	18
Было три мужа у бабки Настасьи	19
Взнах клевера	20
«Вошел в квартиру, как чужой...»	21
«Мужчины жалуют вниманьем...»	22
Автопортрет	23
Осень во Владивостоке	24
«Закружились, светлы и горьки...»	24
«Под плевки пьянчужек праздных...»	25
«Так хочется, чтоб кто-то пожалел...»	26

«Два одиноких человека...»	27
«Все реже смотрят вслед мужчины...»	28
Баня	29
Читала мне бабушка...	30
«Старик восьмидесяти лет...»	30
Алексею Фатьянову	31
Знакомому стихотворцу	32
На могиле А. П. Керн	32
Несерьезные размышления	33
«На виду у всей деревни...»	34
«Как обидно летом ночи коротки...»	35
«Я не могут привыкнуть к расставаньям...»	36
«Разлюбил... Значит, я виновата...»	36
Ревность	37
«Я жила и легко и ладно...»	38
Жизнь семейная	38
Без тебя	39
Было!	40
Воспоминание	41
«Я, наверно, тревоги не скрою...»	41
«Полжизни почти пролегло между нами...»	42
Телеграмма	43
«Когда-нибудь судьба сведет друг с другом...»	44
«А мне ничего не надо...»	44
«На судьбу тебе пожалуюсь...»	45
«Сквозь слезы и пургу...»	46
Майское-шутливое	46

Баринова Ирина Евгеньевна
ПТИЦЫ ЛЮБВИ
(сборник стихов)

Редактор **Ю. П. БЕЛЯКОВ.**
Художник **Г. К. ЖУКОВА.**

Подписано в набор 10.04.90. Подписано в печать
24.04.90. А—13350. Бумага типографская № 1,
формат 60×84/32. Гарнитура новая газетная.
Печать высокая. 1,5 усл. п. л. Тираж 10 000.
Заказ 2522. Цена 95 коп.

© **Баринова Ирина Евгеньевна, 1990.**

Книга издана на средства автора.

Издание совместного советско-панамского пред-
приятия «Пацифик Юнион Инвестмент Корпорейшн».
109044, Москва, ул. 1-я Дубровская, 1. Тел. 276-42-04,
276-40-39; телекс 411766 Elvis SU; факс. 276-50-39.

Областная типография управления издательств,
полиграфии и книжной торговли Ярославского
облсполкома. 150000, Ярославль,
ул. Республиканская, 61.